ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81.42

DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-29-36

КСЕНОНИМЫ-ИНТЕРПРЕТАТИВЫ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ КСЕНОНИМА ЧАБУДО)

О. В. Орлова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Данное исследование посвящено изучению особого типа русского сетевого диаспорального дискурса – дискурса русскоязычной диаспоры Китая как репрезентанта русской лингвокультуры, ориентированной в область китайской культуры. Наряду с ксенонимами-реалиями в данном дискурсе выделяются ксенонимы-интерпретативы. Если ксенонимы-реалии являются знаками безэквивалентных, исходно этноспецифичных явлений и понятий иноязычной действительности, то ксенонимы-интерпретативы имеют полноценные лексические соответствия в языке-реципиенте, не отмечены этнокультурной маркированностью в матричном языке и служат восприятию, пониманию и интерпретации иностранной языковой и социокультурной реальности диаспоральным сообществом.

Материал и методы. Материалом исследования являются более 1000 текстов сетевой коммуникации русскоязычного диаспорального сообщества Китая, включающие ксеноним-интерпретатив *чабудо*. Вместе с методологическим инструментарием интерлингвокультурологии, дериватологии и лексической семантики используются приемы контекстологического и дискурс-анализа, а также корпусной и экспериментальной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Анализ данных онлайн-корпуса китайского языка и результатов пилотажного эксперимента, направленного на выявление показаний языкового сознания китайских студентов, показывает, что китайское наречие 差不多 *chabuduo* является типичным частотным словом в повседневном китайском словоупотреблении и не наделяется особой лингвокультурной значимостью как этноспецифичное понятие. Будучи эталонным средством выражения универсальной семантической категории аппроксимации, оно имеет прямые соответствия в русском языке: *примерно, приблизительно, почти*. Однако в ходе вхождения в сетевой русскоязычный диаспоральный дискурс и адаптации в нем наречие *чабудо* в функции ксенонима-интерпретатива претерпевает целый ряд морфолого-синтаксических и лексико-семантических трансформаций. Главными в этом ряду выступают способствующая концептуализации признаков параметров субстантивация наречия, расширение спектра синтаксических позиций лексемы, включение ее в разнообразные словообразовательные и семантические деривационные модификации.

Заключение. На уровне гипертекста дискурса ксеноним-интерпретатив наделяется особым этноспецифичным значением, происходит интенсивный рост частотности его употребления, внедрение ксенонима в структуру квазипреcedентных высказываний и иные формы лингвокреативных практик сетевого диаспорального сообщества.

Ключевые слова: сетевой дискурс русскоязычной диаспоры Китая, ксенонимы-реалии, ксенонимы-интерпретативы.

Введение

Позволим себе начать статью нетрадиционно – с конкретного примера: *Ты окитаился, если тебе пофиг, что перед входом в чифаньку сушится нижнее белье лаобаньки*. Исполненный доброжелательного юмора и самоиронии смысл данного поста с размещенной в нем фотографией женского нижнего белья, вывешенного на просушку прямо у входа в небольшую китайскую закусочную, для непосвященного, т. е. не проживающего в Китае и не имеющего отношения к этой стране и ее культуре

и быту, практически полностью затемнен. Для адекватного декодирования данного сообщения необходимо не только знать значения лингвистически адаптированных, т. е. уже полностью грамматически освоенных, включенных в русскую словообразовательную и словоизменительную парадигматику – приобретших родовую принадлежность и деминутивное суффиксальное оформление – китайизмов-ксенонимов: чифанька (吃饭 *chifan* – кушать, есть) – кафе, закусочная; лаобанька (老板 *laoban* – хозяин, владелец) – хозяйка. Причем в по-

следнем случае мы наблюдаем включение китаизма еще и в парадигму родоизменяемых слов: хозяин и хозяйка – лаобань и лаобанька (напомним, что китайский язык является изолирующим, т. е. словоизменение ему не свойственно в принципе). Кроме того, понять оттенки юмора и самоиронии, заложенные в анализируемый текст его автором, невозможно, не будучи приобщенным к культуре повседневного быта китайцев, обычно не стесняющихся естественных проявлений и житейских нужд, что первоначально может смутить иностранца в Китае.

Материал и методы

Приведенный пример извлечен из обширной и ежедневно пополняющейся интенсивной сетевой переписки участников открытой группы «Байки лаовая» (<https://vk.com/cnlaowai>) социальной сети «ВКонтакте» (далее в статье все примеры приводятся из этого источника). В группе, существующей с 2013 г. и презентующей свой контент как *Невыдуманные истории о жизни иностранцев в Китае. Пишем сами!*, состоит более 50 тыс. подписчиков. Данная весьма репрезентативная как по количеству участников, так и по объему текстового материала интернет-площадка, наряду с многими другими (это интернет-медиа, блоги, подкасты, сообщества в социальных сетях для русских в Китае), выступает пространством реализации, во-первых, особого типа русского сетевого диаспорального дискурса, во-вторых, особого типа сетевого социолекта – лаовайского (по самоназванию носителей данного социолекта: лаовай (老外 laowai) – иностранец) жаргона (о лаовайском жаргоне см. подробнее: [1]), в-третьих, особого варианта современного языка русского зарубежья, кардинально отличающегося от языка русских в Китае прошлых волн эмиграции (см. подробнее: [1]). Причем отмеченные три ипостаси (особый тип дискурса, особая субстандартная подсистема и особый вариант русского языка за рубежом) выступают в триединстве аспектов лингвистической интерпретации анализируемого идиoma современного русского языка как репрезентанта русской лингвокультуры, ориентированной в область китайской культуры.

Вследствие описанных обстоятельств наиболее релевантным для данного исследования представляется теоретико-методологический и терминологический аппарат интерлингвокультурологии, занимающейся «изучением особенностей языка, ориентированного в область иноязычной культуры» [2, с. 51]. Призванный по своей природе аккумулировать тексты иноязычного описания культуры (термин В. В. Кабакчи) страны пребывания их авторов, любой диаспоральный дискурс (с позиций дискурсологии из русскоязычных наиболее основа-

тельно описан дискурс, в том числе интернет-дискурс, русской диаспоры Эстонии (см., например, работы Е. И. Костанди [3], А. Деци [4] и др.)) характеризуется прежде всего постоянно пополняемым и солидным по объему вокабуляра инолингвокультурным субстратом. Вслед за основателем интерлингвокультурологии В. В. Кабакчи мы называем инолингвокультурным субстратом «такие элементы текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры», а «наименования элементов иноязычных („внешних“) культур» [2, с. 53] мы называем ксенонимами.

Результаты и обсуждение

Разработано немалое количество классификаций ксенонимов (см., например, развернутую типологию в [5]). Однако настоящий материал – тексты сетевой коммуникации русскоязычных лаоваев (проживающих в Китае иностранцев) – обнаруживает большое количество ксенонимов, употребление которых мотивировано не информативной лакунарностью (это не экзотизмы или онимы), а осознанным выбором китаизма вследствие лингвокультурных и дискурсивных интенций говорящих. Если обратиться к приведенному в начале статьи примеру, то употребленные в нем китаизмы *лаобанька* и *чифанька* имеют полноценные лексические соответствия в русском языке и не обозначают специфических китайских реалий.

Под принятым в переводоведении и лингвострановедении термином *реалия* имеются в виду «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках» [6, с. 42]. К разряду реалий обычно относят ономастические наименования различных типов (топонимы, антропонимы и т. д.), а также реалии, обозначающие этноспецифичные объекты и явления.

Как видим, две ключевые характеристики реалии – ее безэквивалентность и ярко выраженная национально-культурная маркированность. Однако среди составляющих инолингвокультурного субстрата изучаемого дискурса наблюдается целый ряд ксенонимов, не соответствующих этим критериям. Поскольку основная функция таких ксенонимов – отражать многогранную и аксиологически поливалентную интерпретацию иностранной действительности носителями диаспорального дискурса, мы называем эти ксенонимы ксенонимами-интерпретативами.

А. Ю. Мутылина, исследовавшая естественную устную речь русскоговорящих людей, проживаю-

щих в Китае, в аспекте проблемы переключения и смешения кодов, отмечает, что «определенные китайские лексические единицы, имеющие словарные соответствия в русском языке, становятся настолько употребительными, что используются большинством респондентов и в речи на русском». К таким лексемам она относит *mafan* (麻烦 – хлопотный, хлопоты, беспокойство), *chabuduo* (差不多 – почти, приблизительно, мало чем отличаться), *buhaoyisi* (不好意思 – неловко, неудобно, стесняться) и ряд других, определяя их как национальные концепты современной китайской культуры, которые отражают специфическую логику, свойственную ее носителям [7, с. 151–152].

Выскажем частичное сомнение в правомочности мнения исследователя о том, что ксенонимы-интерпретативы выступают в качестве *национальных концептов современной китайской культуры*. Уточнения здесь требует вопрос о том, в какой национальной языковой картине мира данные слова становятся концептами китайской культуры – русской или китайской? Парадоксальность и незаурядность ситуации с ксенонимами-интерпретативами в том, что данные слова не наделяются особой лингвокультурной значимостью самими китайцами, не осознаются ими как этноспецифичные, они являются самыми типичными частотными элементами их повседневного лексикона.

Так, лексема *差不多 chabuduo* (именно этот ксеноним будет предметом данного исследования в дальнейшем), наряду с другими наречиями-релятивами китайского языка со значением приблизительно (大概 *dagai*, 大约 *dayue*, 几乎 *jihu* и др.), будучи эталонным средством выражения универсальной, то есть свойственной всем языкам как представителям мирового языкового универсума, семантической категории аппроксимации, имеет прямые соответствия в русском языке. Причем русский язык также предоставляет говорящему богатый выбор из наречного синонимического ряда *примерно, приблизительно, почти*, к которому примыкают предлог *около* и иные разнообразные средства выражения «значения приблизительного количества и приблизительного уподобления одного явления (объекта, признака) другому» [8, с. 163].

Как в русском, так и в китайском языке аппроксиматоры представляют собой, по сути, «„речевые слова“, которые „переключают“ номинацию с точной языковой номинации на приблизительную, речевую, коммуникативно-прагматически обусловленную» и, выступая носителями идущих от говорящего модальных смыслов, «привносят в значение номинации рационально-оценочный компонент» [8]. По этой причине эти частотные релятивы вряд ли способны к формированию отдельных концептов какой-либо национальной концептосферы.

В доказательство тезиса о том, что лексема *差不多 chabuduo* в китайском словоупотреблении не приобретает дополнительных коннотативных оттенков и тем более этноспецифической нагруженности, проанализировали первые 100 контекстов, предоставленных на запрос *差不多* Онлайн-корпусом китайского языка (<http://www.cnccorpus.org>) – «одним из наиболее показательных достижений китайской корпусной лингвистики, созданным Министерством образования КНР» [9, с. 108]. Из 100 проанализированных контекстов по частотности лидируют выражения *差不多同时* – примерно в то же время (6 употреблений), *差不多都* – почти все (6 употреблений), *差不多每天都* – почти каждый день (2 употребления), а также количественно-именные сочетания и иные структуры выражения приблизительности количества: *差不多三十年前* – почти тридцать лет назад, *差不多二十年前* – почти двадцать лет назад, *差不多没有一个法学家* почти ни один юрист, *这个数字差不多等于绕地球赤道飞行十一圈* – эта цифра почти равна десяти окружностям экватора. В других случаях наречие используется для смягчения категоричности семантики всеобщности или окончательной полноты/завершенности действия *差不多全黑了* – почти все почернело, *差不多家家户户都* – почти каждая семья, *差不多谈了一个通宵* – разговаривали почти всю ночь, *她差不多要昏了* – она почти потеряла сознание, *差不多写尽了* – почти все написано. Также типичны случаи выражения анализируемым наречием значения приблизительного уподобления: *长短差不多* – длина примерно такая же, *差不多同样的规定* – почти те же правила, *差不多一样*, *差不多是相同的* – почти то же самое, почти одинаково, *只有跟我差不多* – только то же самое со мной.

Сходные результаты продемонстрировал проведенный в группе китайских студентов в количестве 23 человек пилотажный эксперимент, заключающийся в задании написать 2–3 типичных фразы, в которых испытуемые в повседневной практике чаще всего употребляют лексему *差不多*. Можно отметить, что большим количеством и разнообразием по сравнению с корпусными данными в студенческих ответах отличались контексты с семантикой приблизительного уподобления: *这件事和上一件事差不多* – он прожил ту же жизнь примерно с той же зарплатой, *这件事和上一件事差不多* – это примерно то же самое, что и предыдущее, *这两种颜色差不多* – эти два цвета примерно одинаковы, *我和我的同桌差不多大* – я примерно такого же возраста, как мой напарник, *你看他胡子拉碴的, 你跟他差不多了* – видите, у него усы, вы почти как он, *她穿的跟你差不多* – она одевается примерно как ты, *中国足球的水平差不多和印度一样* – уровень китайского футбола примерно такой же, как у Индии.

Как видим, анализ данных корпуса китайского языка и результатов пилотажного эксперимента не позволяет говорить об актуализации анализируемого наречия в качестве культурно маркированного слова. Однако, по сравнению с русскими аналогами, необходимо отметить склонность данной лексемы к выражению семантики приблизительно-го уподобления, отождествления и однотипности.

Действительно, первое значение наречия 差不多, выдаваемое электронным Большим китайско-русским словарем 大 БКРС (<https://bkrs.info/>) – постоянно пополняющимся и развивающимся усилиями подвижников-китаистов «оцифрованным преемником» самого авторитетного в китаистике изданного в 1984 г. Большого китайско-русского словаря под редакцией проф. И. М. Ошанина (см. об этом: [10]), это *почти одинаковый, почти одно и то же*, на втором месте значение *почти, почти что; едва не*, на третьем – *ладно, сойдет*, однако вышеприведенные данные реального речевого употребления слова свидетельствуют о низкочастотности этого последнего значения.

В то же время именно это третье значение, символизирующее случаи безответственности, безалаберности, недисциплинированности, невнимательности и т. п., с которыми сталкиваются иностранцы в Китае, стало смысловой основой превращения типичного китайского наречия-аппроксиматора в ксеноним-интерпретатив и маркер китайской национальной специфики в русскоязычном лаовайском дискурсе. Здесь же во избежание возможной необъективности и односторонности отметим, что, несмотря на факт закрепления негативной оценки в конкретном единичном ксенониме-интерпретативе, далеко не большинство слов-маркеров китайской культуры в лаовайском сетевом дискурсе демонстрируют отторгающее отношение, скорее – наоборот, а комплексное описание объемной и сложноустроенной картины китайской социокультурной реальности глазами русскоязычного лаовайского сообщества – актуальная задача будущих исследований.

О популярности слова *чабудо* (далее мы будем его употреблять в этой соответствующей общепринятой в российской китаистике системе транскрипции с китайского на русский *палладице*) свидетельствует факт его чрезвычайной частотности. На декабрь 2019 г. в записях сообщества «Байки лаовая» это слово в разных вариантах его письменной фиксации (差不多, *chabudio*, *чабудо*, *чхабудуо*, *чабудуо* и т. д. – об обусловленной объективной сложностью адекватной транскрипции с китайского на русский актуальной проблеме поливариантности графического облика китайского слова в русскоязычном неформальном сетевом общении необходимо отдельное исследование) встречается

1 137 раз. Для сравнения: модный и уже прочно закрепившийся в русском словоупотреблении китанизм *фэньшуй* (опять же в различных вариантах записи) встречается в текстах сообщества 191 раз.

Мы уже отмечали, что основное предназначение ксенонима-интерпретатива в диаспоральном дискурсе – служить средством рецепции, постижения, понимания иностранной языковой и социокультурной реальности, интерпретации этой реальности и приспособления к ней. По этой причине *китайское чабудо*, во-первых, многократно интерпретируется и обыгрывается как отдельное культуроспецифичное понятие, отражающее типичную с точки зрения русского черту национального китайского бизнеса, быта и поведения, во-вторых, как слово, включаясь в словообразовательную лингвокреативную практику, проходит адаптивный период в русскоязычном речевом употреблении, и, наконец, и как слово, и как понятие претворяется в концепт-гетеростереотип, т. е. концепт, воплощающий определенную стабильную черту китайского образа жизни в русском языковом сознании. Здесь необходимо отметить, что проблема метаязыковой рефлексии диаспорального сообщества над анализируемым словом, как и обозначенная выше проблема графической фиксации китайской лексемы в русскоязычном тексте, вследствие своей особой значимости остается за рамками данного исследования и требует отдельного освещения.

Что касается «объяснительных записок», призванных растолковать содержание понятия *чабудо*, высветить оттенки смысла этого понятия, актуальные для автора интернет-комментария, то таких текстов в записях членов группы «Байки лаовая» изрядное количество. По преимуществу это поучительные и исполненные различных эмоциональных реакций – от раздражения и досады до шуточной иронии – различные истории из повседневной жизни лаоваев в Китае (орфография и пунктуация авторов интернет-сообщений сохранены): *мне вот недавно в общагу на кухню вытяжку поставили над РАКОВИНОЙ, а вентиляционного отверстия как не было, так и не будет, видимо. Просто вытяжка над раковиной, как предмет интерьера. Вот это чхабудо, вот это я понимаю!; Дело в том, что учусь я в Харбинском педагогическом университете уже третий год. <...> Здесь вы можете непосредственно познакомиться с принципом чхабудо, а также с другими «прелестями» жизни в Китае. Потому что за два прошедших года я видела все. Падающую на тебя ночью шутка-турку с бетоном; <...> отключение света и воды на три дня; падающий ЛЭП и русских ребят, которые по этой причине застряли в лифте, который впоследствии китайцы пытались открыть*

швабрами и вениками, чтобы высвободить узников; прорыв трубы на кухне и затопленные комнаты (в том числе и наша); Только один раз был差不多, когда доказывали, что батареи ледяные, где тепло? На что был ответ, так они теплые, ну差不多 же, и ведь самому же было смешно от вранья; Понесли мы как-то планиет – батарейку менять. Подходим к дяденьке: «Чувак, умеешь батарейки менять на таком агрегате?» – «чхабуду». Мне очень не понравился его ответ и я очень мандражировала, когда он колдовал над планиетом. Слава богу, в его случае чхабуду имело положительный оттенок; Лаоши (учитель. – О. О.), насколько подробно описывать героя рассказа/события в экзаменационной работе? – Нууу... Чабуду – и сойдет!; Шифу (читай – водитель такси), мне нужно туда-то. Вы знаете, где это? – Нууу... Чабуду. – Отлично. После часа езды я оказываюсь совершенно не там, где нужно, и должна заплатить за поездку по счетчику в два раза больше положенного.

Как видим, во всех рассказах участников сетевого комьюнити про чабуду актуализируется семантика безответственности вплоть до разгильдяйства, необязательности, недисциплинированности и невнимательности китайцев по отношению к выполняемой ими работе, несерьезного отношения к своим обязанностям: Ребята,差不多 присутствует, и довольно неслабое! Работаю на производстве, говорю ответственно. Особенно когда это касается цвета продукции. Даешь образец цвета, один остается у меня, подписываем их. Потом по три раза привозят разный цвет, в итоге приходится выбирать из них тот, который самый差不多.

Пристрастие китайцев к ответу на любой вопрос наречием差不多 и следующие за этим ответом разнообразные разочарования иностранцев по поводу китайских товаров и услуг, а также манеры ведения бизнеса приводят в результате к коммуникативным неудачам. Лингвистической причиной этих коммуникативных неудач и казусов является содержащийся в семантике китайского наречия смысл приблизительного тождества почти то же самое. Близость вплоть до неразличимости семантических категорий приблизительности и относительности, приблизительности и неоднозначности (неизвестен уровень, размер, объем приблизительности) зачастую позволяет китайской стороне, преследующей свой приватный интерес, схитрить (напомним, именно хитрость – качество, более всего присущее, по мнению иностранцев, китайскому национальному характеру), снять с себя ответственность за исполнение ожиданий и требований иностранного партнера: Если вам когда-либо придется иметь дело или строить бизнес с китайцами, и отвечать на ваши вопросы они будут фразой «чабуду» (Придет ли товар к 1-му мая? Будут ли работы за-

кончены до открытия павильона? Готовы ли документы? Согласованы ли встречи? Куплены ли билеты?) – считайте, что ответ на ваш вопрос – «нет». Кстати, русский эквивалент ответа – «почти». Только если в нашем мире «почти» – это «почти готово», то в мире китайском – «да что вы, мы еще и не начинали!».

Приспосабливаясь к специфике русского морфолого-синтаксического и лексико-семантического строя, в сетевом лаовайском дискурсе лексема чабуду претерпевает ряд морфолого- и семантико-деривационных трансформаций. Исходно воспринимаясь и ощущаясь наречием (этому способствует случайное структурно-фонетическое совпадение звуковой оболочки китайского слова, заканчивающегося на -о, с многочисленными русскими наречиями подобной структуры с этим финальным суффиксом), чабуду гипостазирована как понятие и субстантивирована как слово. «Наречие, как известно, обозначает обстоятельственный или качественный признак действия (или другого признака). Абстрагируясь от связи с действием (или другим признаком), говорящий может использовать форму наречия для предметной концептуализации признакового параметра» [11, с. 36]. Результатом субстантивации наречия в русском языке является формирование «субстантивата – несклоняемого существительного условного среднего рода» [11, с. 41]. Ярким признаком субстантивации наречия чабуду выступает классическое для существительного согласование с прилагательным, в роли которого крайне популярен этноним китайское: китайское чхабуду на лаовае не работает; вы постигли китайское чхабуду в совершенстве; В пекинском баре «Мюнхен» имело место китайское чхабуду?; это китайское чхабуду от переводчицы; желательно брать нормальные фирмы, а не китайское чхабуду; типичное китайское чхабуду или и так сойдет; это просто оправдание китайскому чхабуду; это вам не какое-то китайское чхабуду. Но и другие прилагательные употребляются регулярно: покупают айфоны за 400 юаней и сами себя убеждают, что качественное чабуду; очередное чхабуду в китайской системе; китайское неконструктивное чабуду; одно сплошное чабуду; никто ничего не объясняет, ни о чем не предупреждает и вообще полное чабуду; познание священного чабуду; коричневое чабуду; военное чхабуду. Подчеркнем, что сема китайское, относящееся к Китаю обязательно входит в семантическую структуру слова, наряду с семантикой безответственности, недоброкачественности, несоответствия нормальному или истинному положению дел: Развездизайство, панибратство, простодушная хитрость, вечное чабуду и тотальный пофигизм.

Уже в роли существительного, в лексическом значении которого указанные выше признаковые параметры концептуализированы до уровня устойчивых семантических маркеров, ксеноним чабуду в лаовайском сетевом дискурсе начинает выступать в синтаксиче-

ской роли приложения: *чхабудо автостоперы; чхабудо молоко; Не доверяйте чхабудо-китайцам!; Китайская чхабудо версия; чхабудо лаванда – китайская разновидность глицинии – так и запишем!* – и даже подлежащего: *Чабудо перекипело; 差不多 присутствует; Такие же чабудо есть и в России.*

Свойственная неформальному сетевому общению повышенная степень речевой свободы и лингвокреативной активности способствует изобретению на базе исходного ксенонима массы словообразовательных окказионализмов различной структуры и частеречной принадлежности: *люди, связанные одним на всех чхабудом; просто чхабуда китайская; отчхабудонилась от китайских коллег; чхабудометр заикалился; чапудуюню; чабудощка; чабудуизм; чхабудушный и др.*

В случае *чабудо*, что отнюдь не является обязательным и даже регулярным условием стабилизации языкового знака как этноспецифичного, немалое значение в процессе концептуализации понятия и претворения его в рамках конкретного диаспорального дискурса в концепт-гетеростереотип имеет возникающая в сознании говорящих аналогия с традиционным для русской культуры и также сочетающегося с этнонимом *русский* словом и концептом *авось* (*Призадумался поп <...>./ Да понадеялся он на русский авось (А. С. Пушкин)*). *Авось*, по словам Ю. С. Степанова, является «вечным спутником русской души» и «фиксирует состояние духа, ничем не обоснованную надежду на удачное течение событий» [12, с. 169]. Участники лаовайского сетевого сообщества неоднократно отмечают близость двух этноспецифичных концептов: *Русский авось и китайское чхабудо вечные побратимы; Когда русский Авось столкнулся с китайским Чхабудо; авось тоже ниче так штука; В данном случае китайское чхабудо победило русский авось; надеяться на чхабудо* (ср. с приведенным выше прецедентным контекстом из Пушкина).

В то же время самым ярким, на наш взгляд, признаком закрепления ксенонима-интерпретатива в диаспоральном дискурсе является его активное включение в состав квазипрецедентных высказываний, также выступающих незаурядными образцами лингвокреатив-

ного мастерства их авторов: *Что наша жизнь? Лишь чабудо; Чхабудо головного мозга; Знал бы, где чхабуда настигнет, страховку бы подстелил; 50 оттенков Чхабудо; дык чхабудо не вчера возник!; все в мире чхабудо и тлен; отсель грозить мы будем немцам своей чхабудой!; Вот так и живем, чхабудо на чхабуде.*

Заключение

Изучение особой разновидности современного диаспорального дискурса – сетевого дискурса русскоязычной диаспоры Китая – позволяет выделить среди ксенонимов, составляющих инолингвокультурный субстрат гипертекста русскоязычного описания китайской культуры, наряду с ксенонимами-реалиями, еще один разряд ксенонимов – ксенонимы-интерпретативы. Если ксенонимы-реалии являются знаками безэквивалентных, исходно этноспецифичных явлений и понятий иноязычной действительности, то ксенонимы-интерпретативы имеют полноценные лексические соответствия в языке-реципиенте, не отмечены этнокультурной маркированностью в матричном языке и служат восприятию, пониманию и интерпретации иностранной языковой и социокультурной реальности диаспоральным сообществом.

Будучи ярким представителем ксенонимов-интерпретативов, китайское наречие *чабудо* претерпевает в ходе вхождения в сетевой лаовайский дискурс и адаптации в нем целый ряд морфолого-синтаксических и лексико-семантических трансформаций. Главными в этом ряду выступают способствующая концептуализации признаков параметров субстантивация наречия, расширение спектра синтаксических позиций лексемы, включение ее в разнообразные словообразовательные и семантические деривационные модификации. На уровне гипертекста дискурса происходит наделение ксенонима особым этноспецифичным значением, интенсивный рост частотности его употребления, внедрение ксенонима в структуру квазипрецедентных высказываний и иных форм лингвокреативных практик сетевого диаспорального сообщества.

Список литературы

1. Орлова О. В. Лаовайский сетевой жаргон: китайский язык и культура в рецепции русскоязычных экспатов (введение в тему) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 2 (191). С. 103–108.
2. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб., 2007. С. 51–70.
3. Костанди Е. И. Типовой дискурс диаспоры: русский язык в Эстонии // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 38–50.
4. Деци А. Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 2. С. 331–342.
5. Колмогорова А. В., Маликова А. В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофилов) // Вестник Пермского ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 24–31.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.

7. Мутылина А. Ю. Русско-китайское внутрифразовое переключение и смешение кодов: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 206 с.
8. Пристинская Т. М. Проблема номинаций со значением приближенности в лингвистических исследованиях // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 4 (19). С. 162–164.
9. Баркович А. А., Ван Цин. Лингвистические корпуса китайского языка: функциональный аспект // Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. Сер. 1: Филология. 2015. № 5 (78). С. 105–113.
10. Гусев М. С. BKRS.INFO – феномен китайско-русской лексикографии // Лексикографическая копилка. СПб., 2018. С. 51–58.
11. Петрова Н. Е. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63, № 1–2. С. 35–42.
12. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007. 602 с.

Орлова Ольга Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор. Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.01.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-29-36

XENONIMS-INTERPRETATIVES IN NETWORK DISCOURSE OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA OF CHINA (THE STUDY OF XENONIM CHABUDOU)

O. V. Orlova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. This article is devoted to studying a special type of network of the Russian Diaspora discourse is the discourse of the Russian-speaking Diaspora of China as a representative of the Russian linguistic culture, which is focused in the area of Chinese culture. Along with xenonyms-realities, xenonyms-interpretatives are distinguished in this discourse. If xenonyms-realities are signs of non-equivalent, initially ethnospecific phenomena and concepts of foreign-language reality, then xenonyms-interpretatives have full-fledged lexical correspondences in the recipient language, are not marked by ethno-cultural marking in the matrix language and serve the perception, understanding and interpretation of foreign language and socio-cultural reality by the Diaspora community.

Material and methods. The material of the research is more than 1000 texts of network communication of the Russian-speaking Diaspora community of China, including the xenonym-interpretative *chabudou*. Along with the methodological tools of interlinguoculturology, derivatology and lexical semantics, the methods of contextual and discourse analysis, as well as corpus and experimental linguistics are used.

Results and discussion. The analysis of data from the Online Chinese corpus and the results of a pilot experiment aimed at identifying indications of the language consciousness of Chinese students shows that the Chinese adverb 差不多 *chabuduo* is a typical frequency word in everyday Chinese word usage and is not endowed with special linguistic and cultural significance as an ethnospecific concept. As a reference means of expressing the universal semantic category of approximation, it has direct equivalent in the Russian language: *примерно* (*about*), *приблизительно* (*approximately*), *почти* (*almost*). However, in the course of entering into the network Russian-speaking diasporal discourse and adapting in it to the function of the xenonym-interpretative adverb *chabudou* undergoes a number of morphological-syntactic and lexical-semantic transformations during its entry into the network Russian-speaking diasporal discourse and adaptation in it. The main ones in this series are the substantiation of the adverb that contributes to the conceptualization of the characteristic parameters, the expansion of the range of syntactic positions of the lexeme, its inclusion in a variety of word-forming and semantic derivative modifications.

Conclusion. At the level of the hypertext of discourse xenonym-interpretative is endowed with a special ethnospecific meaning, there is an intensive increase in the frequency of its use, the introduction of the xenonym into the structure of quasi-precedent statements and other forms of linguocreative practices of the network Diaspora community.

Keywords: *network discourse of the Russian-speaking Diaspora of China, xenonyms-realities, xenonyms-interpretatives*

Reference

1. Orlova O. V. Laovayskiy setevoy zhargon: kitayskiy yazyk i kul'tura v retseptsii russkoyazychnykh ekspatov (vvedeniye v temu) [The laowai network jargon: the Chinese language and culture in the reception of Russian expats (introduction to topic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, vol. 2, pp. 103–108 (in Russian).
2. Kabakchi V. V. Tipologiya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury i inolingvokul'turnyy substrat [Typology of the foreign language text descriptions of culture and other language cultural substrate]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Linguistics of text and discourse analysis: traditions and prospects]. Saint Petersburg, 2007. pp. 51–70 (in Russian).

3. Kostandi E. I. Tipovoy diskurs diaspory: russkiy yazyk v Estonii [Typical Diasporic Discourse: Russian language of Estonia]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 38–50 (in Russian).
4. Detsi A. Estonskiye vkrapleniya v internet-diskurse russkoyazychnykh zhitel'ey Estonii [Estonian inclusions in the Internet discourse of Russian-speaking residents of Estonia]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 331–342 (in Russian).
5. Kolmogorova A. V., Malikova A. V. Opyt tezaurusnogo modelirovaniya sposobov ob'ektivatsii interlingvokul'turnoy kartiny mira (na materiale proizvedeniy russkikh pisateley-frankofonov) [The experience of the thesaurus modeling of the ways of objectification of the interlingualism world picture (based on the works of Russian writers-francophones)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 24–31 (in Russian).
6. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, 1986. 416 p. (in Russian).
7. Mutylna A. Yu. *Russko-kitayskoye vnutrifrazovoye pereklyucheniye i smesheniye kodov*. Dis. kand. filol. nauk [Russian-Chinese intra-phrase switching and mixing of codes. Diss. kand. philol. sci.]. Vladivostok, 2012. 206 p. (in Russian).
8. Pristinskaya T. M. Problema nominatsiy so znacheniyem priblizitel'nosti v lingvisticheskikh issledovaniyakh [The problem of nominations with the value of approximation in linguistic research]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki – The Humanities and socio-economic sciences*, 2005, no. 4, pp. 162–164 (in Russian).
9. Barkovich A. A., Van Cin. Lingvisticheskiye korpusy kitayskogo yazyka: funktsional'nyy aspekt [Linguistic corpora of the Chinese language: functional aspect]. *Vestnik MGLU. Ser. 1: Filologiya*, 2015, no. 5, pp. 105–113 (in Russian).
10. Gusev M. S. BKRS.INFO – fenomen kitaysko-russkoy leksikografii [BKRS.INFO – the phenomenon of Chinese-Russian lexicography]. *Leksikograficheskaya kopilka* [Lexicographic coin box]. Saint Petersburg, 2018. Pp. 51–58 (in Russian).
11. Petrova N. E. Substantivatsiya i deadverbializatsiya narechiy v sovremennom russkom yazyke [The substantivation and deadverbialization of adverbs in the modern Russian language]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Ural State University Bulletin, Series 2: Humanities*, 2009, vol. 63, no. 1–2, pp. 35–42 (in Russian).
12. Stepanov Yu. S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. A thin film of civilization]. Moscow, 200. 602 p. (in Russian).

Orlova O. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: o.orlova13@yandex.ru